

1.

В марте 1945 года мы с моим коллегой по «Красной звезде» подполковником Л. Высокоостровским приехали в штаб 65-й армии, части которой вели бои за город Данциг. Командующий армией генерал-полковник П. И. Батов рекомендовал побывать в 37-й гвардейской дивизии.

Части дивизии штурмом брали дом за домом, квартал за кварталом. Командира соединения гвардии генерал-майора К. Е. Гребенника нашли в саперном батальоне. Он поприветствовал нас и сказал:

— Очень прошу написать в «Красной звезде» о героях штурмовой группы старшего сержанта Коростылева. Только за один вчерашний день его солдаты подбили три танка, уничтожили две пулеметные точки, расправились с четырьмя «фаустниками». Правда, в группу сейчас, пожалуй, не попадешь. Находится она вот тут, в этом доме, смотрите, — генерал указал пальцем точку на топографической карте. — А напротив — немцы. Площадь ими беспрерывно простреливается.

— Товарищ генерал, с Коростылевым можно по телефону поговорить. У него артиллерийские разведчики со своей связью сидят, — сказал майор, командир саперного батальона.

— Тогда соедини с ним корреспондентов.

Через несколько минут мы протянули трубку полевого телефона:

— У аппарата «Заря». Спрашиваю:
— Командира можно?
— Рядом его нет.
— А кто со мной говорит?
— Всеволод Вишневский... Я от неожиданности оторопел.
— Кто там? — спросил генерал.

Конечно же, был удивлен и генерал.

Вскоре все прояснилось. Оказалось, Вишневский появился на наблюдательном пункте полка в момент, когда артиллеристы отправляли в группу старшего сержанта Коростылева своих разведчиков. Писатель мгновенно оценил обстановку, увидел блестящую тему для очерка и решил пойти вместе с разведчиками. Командование полка пыталось отговорить Вишневского, ссылаясь на трудности и большую опасность, но он настоял на своем.

— А артиллеристам не опасно? — спросил писатель.

— У них такая работа.

— У нас тоже такая профессия. Почему вы думаете, что там, где могут пройти артиллерийские разведчики, не пройдет корреспондент «Правды»?

Вишневский уступил только в одном — сменил китель капитана первого ранга на защитную солдатскую гимнастерку.

Вот таким смелым, решительным, бескомпромиссным человеком был Всеволод Витальевич Вишневский. Настоящий солдат революции. Поэтому и его произведение «Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта» пронесены огнем, пафосом, темпераментом. Верным себе Вишневский остался и на фронтах Великой Отечественной войны.

Ночью писатель возвратился на НП полка и сразу уехал в армию — надо было срочно передать материал в газету.

Потом мы прочитали в «Правде» его очерк «Улицы бои в Данциге». Он в нем, между прочим, писал:

«Летит со звоном, в дыму черепицы, стекла, штукатурка. Раненый Иван Шпановский преодолевает забор, ползет, бросает в дом две гранаты. Немецкий пулемет умолкает... Немцы в рост контратакуют. Команда: «Подпущай ближе!» И огонь срывает контратакующих. Раненые немцы кричат и умолкают. Мертвые валяются, разбросав руки...»

Над городом продолжает клубиться злое пламя. Осада потрясает нервы немцев... Просачиваясь во все дыры и щели, данцигские жители тысяча-

ми вырываются из города, идут к русским линиям...»

Огненный вал войны прокатился по Польше, ворвался в Германию и остановился на Одере. В нескольких местах за разбухшей от половодья рекой советские войска в ожесточенных боях завоевали плацдармы, подошли почти вплотную к Берлину. Там не умолкало сражение.

Днем на автострадах, идущих к Одеру, не очень оживленно. Рассосались толпы беженцев. Саперы заваливают битым кирпичом воронки от снарядов и авиабомб, чинят и строят мосты. На черных, опаленных порохом и дымом полях, в лесах с каждым днем заметнее весна — зеленеет трава, раздвигаются листочки на деревьях.

По ночам дороги преображаются. Они гудят, режут, дрожат. Все забыто войсками. Кажется, что к нам, на 1-й Белорусский

Павел
ТРОЯНОВСКИЙ

КОГДА ГРЕМЕЛИ БОИ...

фронт, страна шлет все, что создали ее неутомимые трудовые руки.

Как-то вечером вместе с В. Вишневским поехали к Кюстрину. Уже начало темнеть, и мы намеревались через час-полтора быть в частях за Одером. Но на развилке дорог, в месте, где надо было сворачивать к реке, стоял офицер с красным флажком. Не солдат-регуляторщик, а офицер. По шоссе шли тяжелые самоходные орудия. Земля и воздух дрожали.

— Надолго? — спросил Вишневский у офицера.

— Не могу сказать, я пропускаю только свои подразделения.

Поехали в обход. Через полчаса новая развилка, и на ней опять офицер с флажком.

— Путь временно закрыт.

По дороге катили машины с прицепленными к ним орудиями. Стояли мы тут минут двадцать, а конца артиллерийской колонны не было видно.

— До утра? — заинтересовался я у офицера.

— Думаю, что до рассвета.

У меня был трофейный карманный фонарик, и мы разложили под нашей машиной карту. Луч фонарика, как карандаш, скользил по ее листам. Наметили новый маршрут. Сделали еще километров пятьдесят, были уже недалеко от Кюстрина, но и здесь нас остановил офицер в чине майора.

— Дорога закрыта до утра, товарищ капитан первого ранга, — сказал он вылезшему из машины Вишневскому.

Тут все гудело и трещало так, что приходилось не говорить, а кричать. Шли танки. В воздухе висел запах перегоревшей соляры.

— А вообще это, друзья, замечательно! — вдруг горячо и громко сказал Всеволод Вишневский, пораженный несомненными потоками боевой техники. — Какую силушку накопили, а?

И после паузы:

— Ну, берегись, проклятый Гитлер!

...Наконец 14 апреля вечером в Военном совете фронта нам дали понять, что хорошо бы завтра всем корреспондентским корпусом отправиться в войска за Одер: предстоят важные события. Но, просил член Военного совета генерал Телегин, не следует скопом собираться в одной армии. Все армии будут решать ответственные задачи, и в каждой, он уверен, появятся тысячи новых героев.

Корреспонденты посоветовались и быстро пришли к единодушному соглашению. Журналисты

«Красной звезды» и правдисты В. Вишневский, И. Золин, Ф. Кислов поехали в 8-ю гвардейскую и 5-ю ударную армии.

Еще затемно переправились по понтонному мосту через Одер. Не успели проехать и пятисот метров, как левее моста раздался сильный взрыв. Он поднял фонтан воды с трехэтажный дом, а волны перекатились даже через мост и чуть-чуть не достигли дороги. Мы поспешили свернуть к лесу.

— Самолет-снаряд, — сказал В. Вишневский. — Оружие, которым гитлеровцы несколько месяцев терроризировали Лондон.

С обеих сторон дороги, укрытые лесом, стояли наши танки. Под маскировочными сетями были врыты в землю гаубицы. И еще пушки, минометы, «катюши», самоходки... И люди — в окопах, блиндажах, под деревьями и кустарниками. Тесно, очень тесно на плацдармах за Одером. Тут сосредоточена огромная армия.

Километра за полтора до НП командующего 8-й гвардейской

армии величайшего исторического события. Сейчас каждая минута — история. Каждый факт, каждое слово — история.

— Идут! — сказал в это время Иван Иванович Золин.

На НП появились люди. Мы узнали в них командующего фронтом маршала Г. К. Жукова, члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина, командарма генерал-полковника В. И. Чуйкова, командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии В. И. Казакова.

Советские армии были готовы к последнему удару по Берлину.

«Никто из нас не забудет этой ночи, бурления Одера, гула моторов, клубов тяжелой пыли, поступи гвардейских полков, света молодого месяца и затанцованной тишины, которая настала в трех-четыре часа утра...», — писал потом в «Правде» В. Вишневский в корреспонденции под заголовком «К Берлину!». — Было так... Изредка раздавались обычные выстрелы. Потом начался гром и рывок. Молнии заметались в небесах, на Одере, в лесах и болотах... Багровые пятна расплывались все шире и шире по западному горизонту.

ский человек ждал этих счастливых победных минут!

За городом Арнсфельде в тумане открылась широкая и темная панорама фашистской столицы. Вправо на поле стояли батареи нашей артиллерии. Звонко в весеннем воздухе звучала команда офицера:

— Батарея! По логову фашистского зверя — огонь!

Вишневский подошел к правогофланговому орудью старшего сержанта П. Г. Ковтуна и попросил разрешить ему тоже сделать выстрел по фашистскому Берлину.

— За ленинградцев, за тех, кого нет, и за тех, кто жив, за муки, слезы и кровь! За великий и вечно свободный Ленинград!

2.

Во время боев в Берлине Всеволод Вишневский чаще всего бывал в частях 8-й гвардейской армии. Днем — в хаосе огня и грома, ночью — на телеграфе. Отдыхал в пути, в машине.

Сражение шло к концу. По всему чувствовалось, что враг напрягает последние силы. Советские войска окружили Берлин, водрузили над рейхстагом знамя Победы, подошли к имперской канцелярии, где в глубоком бункере под многотонной толщей железобетона доживал свои часы Гитлер...

Первого мая во второй половине дня Всеволод Вишневский вместе с поэтом Евгением Долматовским прибыл по срочному вызову генерал-полковника В. И. Чуйкова на передовой командный пункт 8-й гвардейской армии.

Генерал сказал Вишневскому:

— Сейчас приведут начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерала от инфантерии Кребса... Он с белым флагом перешел линию фронта. Думаю, что тебе как писателю будет интересно и полезно его послушать...

Уже после капитуляции Берлина Всеволод Витальевич рассказывал нам, фронтовым корреспондентам:

— Ходим с Чуйковым по комнате. Чувствуем, что должно произойти что-то важное, историческое. Я вспоминаю родной Ленинград. Чуйков говорит о Сталинграде, где он командовал знаменитой 62-й армией. Думаю, что будет очень здорово, очень символично, если капитуляцию фашистской столицы примут защитники Москвы маршал Жуков и защитник Сталинграда генерал Чуйков... Входит Кребс. И сразу сообщает, что 30 апреля Гитлер покончил самоубийством. Он уполномочен новым рейхсканцлером Германии Геббельсом и председателем партии Борманом войти в контакт с советским командованием и передать ему предложение о арменном прекращении военных действий в столице, чтобы подготовить условия для мирных переговоров между Германией и СССР. Чуйков немедленно докладывает об этом по телефону командующему фронтом маршалу Жукову. Тот звонит в Москву... А мы с Чуйковым продолжаем диалог с Кребсом. Говорил, естественно, с фашистским генералом Чуйков, а я и Долматовский вели запись этого разговора. Вскоре стала ясна цель визита Кребса. Он старался склонить нашу сторону и превращение огня, чтобы оттянуть конец нацистской империи. Маршал Жуков дал директиву: никаких переговоров с перемирием — требовать полной и безоговорочной капитуляции Берлина и Германии. Жунов сообщил также, что и Чуйкову выезжает его заместитель генерал армии В. Д. Соколовский со всеми инструкциями и полномочиями... Соколовский передает Кребсу требование советского командования — немедленная и полная капитуляция. Это ультиматум. Кребс иррит и вертит. Потом заявляет, что не уполномочен вести переговоры о капитуляции. Наше командование разрешает фашистскому генералу вернуться к Геббельсу, чтобы сообщить ему о требованиях советской стороны. Кребс в сопровождении наших офицеров переходит линию фронта...

— Конец вам известен, — закончил Вишневский. — Видя безвыходность положения и боясь ответственности за злодеяния, Геббельс и Кребс ищут самоубийство. Борман бежит. А командующий обороной Берлина, его командант генерал Вейдлинг вскоре отдал приказ о капитуляции остатков берлинского гарнизона... Усталое лицо писателя сияет...

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ, Николай ТИХОНОВ, Александр ПРОКОФЬЕВ после награждения в Смольном медалью «За оборону Ленинграда», 1943 г.

армией генерала В. И. Чуйкова нам сказали, что дальше надо идти пешком.

В просторном блиндаже командующего были член Военного совета армии генерал А. М. Проин и командующий артиллерией генерал Н. М. Пожарский. В. И. Чуйков, увидев Вишневского, оставил на столе бумаги и вышел ему навстречу.

В завязавшемся разговоре генерал показал нам непривычно короткую фашистскую листовку: «Вы нас под Москвой. Мы вас под Берлином!».

— Нет, шалишь... Нас уже не оставишь! — прокомментировал ее Вишневский.

Корреспондентские дела до того захватили каждого из нас, что никто не заметил, как прошел день. На НП 8-й гвардейской армии собрались под утро 16 апреля. Отсюда хорошо просматривалась вся местность предстоящего сражения: НП был оборудован на западном скате приодерской возвышенности, покрытой сосновым лесом. Для маскировки над блиндажом растянута большая зеленая сеть.

Справа от блиндажа у неизвестно где раздобытой трибуны находился Всеволод Витальевич Вишневский. Перед ним лежала раскрытая толстая общая тетрадь. Он был в форме капитана первого ранга. На груди — боевые ордена и медали.

— Павел, — сказал он мне взволнованно-торжественным голосом, — мы являемся свидете-

Раскаленные струи от ракет и снарядов прорезали небо. Почва содрогалась. Над немецкими окопами взвивались фонтаны дыма, песка и камня — и в бесчисленных взблесках выстрелов они светились зловеющими пятнами. Загудела наша авиация... Разговаривать было трудно: собеседники слышали друг друга плохо. Пожары на немецкой стороне становились все сильнее...

Так начиналась битва за Берлин. Советские армии ринулись к фашистской столице, и не было силы, способной остановить это грозное, несокрушимое движение возмездия.

Специальный корреспондент «Правды» Всеволод Витальевич Вишневский успевал бывать в самых горячих точках наступления. От гвардейцев Чуйкова он едет в полки 5-й ударной армии и там встречается с будущим первым командантом Берлина генерал-полковником Н. Э. Берзариным. Через четыре часа он у танкистов 1-й гвардейской танковой армии. Вечером — у артиллеристов. Поздно ночью — на телеграфе.

21 апреля 1945 года вечером наши машины пересекли круговую берлинскую автостраду. Машина «Правды» резко затормозила, и из нее выскочил В. Вишневский. Не вышел, не вылез, а именно выскочил.

— Товарищи! — кричит нам. — Мы на территории Большого Берлина! Ура!

Вишневский взволнован так, что прикладывает к глазам ладонь. Сколько лет каждый совет-